ИСТОРИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Н.В. Литвак

Аннотация. *Вопрос о национальных моделях жизненного устройства и национальных интересах с необходимостью сводится к вопросу о культурах и ценностях. Эти понятия сегодня – одни из наиболее употребляемых в научных работах и публицистических выступлениях, количество которых постоянно и быстро растёт. Однако в большинстве случаев их авторы либо считают вопрос о культурах и ценностях абсолютно ясным, а потому не останавливаются на их природе и свойствах, либо всё же иногда, для наглядности, перечисляют через запятую, некоторые, причём самые разные культуры и ценности, определяя их, таким образом, равновеликими и равнозначными.*

Между тем, политика, основанная на таких теоретических построениях, не приводит ни к положительному межкультурному взаимодействию в целом, ни к развитию и большему счастью каждого отдельного человека. Напротив, такая политика периодически сводится к призывам «терпеть», не поясняя, сколько терпеть и, главное, во имя чего, с какой целью терпеть. В конце концов, под давлением фактов такая политика объявляется провальной. Причина этого заключается в наличии в таком подходе к культуре типичных проблем, не решение которых, тем более игнорирование, ведёт к ничем не обоснованным выводам.

Среди основных – логические ошибки, метафизический подход к культуре вместо исторического, смешение процессов глобализации и локализации, попытки заменить науку политикой. По мере роста остроты межкультурных проблем всё труднее обходить эту ситуацию молчанием, находить более или менее удобоваримые объяснения продолжению политики толерантности.

Ключевые слова. национальные модели жизненного устройства, национальные интересы, культура, ценности, межкультурная коммуникация, толерантность.

В последнее время, прежде всего в Европе, всё чаще слышны не только эмоциональные выступления общественности, но и официальные заявления о провале мультикультурной политики, проводившейся в последние десятилетия. Конечно, политик любого уровня, тем более общенационального, должен самостоятельно разбираться в ключевых общественных вопросах, без чего его общественная деятельность не может быть эффективной. Однако в данном случае и научное сообщество, на теории или концепции которого политики опираются, пока также не имеет общепризнанной точки зрения по этому вопросу. Более того, именно под давлением политиков в ряде случаев учёные просто не разрабатывают эту тему, во всяком случае не представляют свои разработки публично. Не вдаваясь в детали разнообразных позиций по этому вопросу и тем более самих культур, обозначим подходы к решению проблемы культуры в вышеуказанном контексте, а именно: формально-логический, исторический, политический.

1. Проблемы с точки зрения формальной логики

Одна из важнейших задач любой теории и науки – *определение* понятий, которыми описываются изучаемые явления и процессы, объекты и предметы. Конечно, понятия изменяются, подвергаются пересмотру, могут иметь рабочий, гипотетический и общепризнанный в конкретное время и конкретным сообществом характер. Тем не менее, когда сегодня сосуществует целый ряд теорий культуры и по некоторым подсчётам более четырёхсот её определений, в рассуждениях на эту тему нельзя обходиться без соблюдения основных логических правил и законов. И прежде всего, без определения понятий и соблюдения их тождества в суждениях. Самоограничение многими авторами только высказываниями о сложности определения понятий или их многозначности без хотя бы рабочего, временного определения практически выводит работу за рамки научной, хотя в ней и могут содержаться важные факты и отдельные интересные суждения.

В случае же, если такое определение всё-таки даётся, имеет значение, как оно затем используется. Определения культуры, сводящиеся к «всё, что сделано человеком, а не природой», как и любые другие, имеют право на существование, если они аргументированы, а затем в рассуждениях их содержание остаётся таким же. Однако, как правило, определения такого смысла затем используются с гораздо меньшим содержанием, рассматривается не всё, а только кое-что из того, что произведено человеком, но заключения в итоге делаются по поводу культуры вообще.

Другая важная задача исследования – установление связи используемых понятий, по возможности построение их системы. То есть даже при решении задачи определения понятий, пусть рабочего характера, они могут не иметь никакой связи между собой или представлять существенные трудности для установления такой связи. Характерный пример – межкультурная коммуникация. Мало того что, как и культура, коммуникация определяется, как правило, только в самом общем виде, само понятие межкультурная коммуникация нуждается в собственном определении с учётом определений входящих в него понятий. Переход же от определения понятий к суждениям и умозаключениям с их использованием ещё более сложен и во многих случаях логически ошибочен. Тем не менее, иногда и такие результаты мыслительных усилий кладутся в основу практических действий, в том числе общественных – политических, экономических, культурных.

В Европе основная позиция последних лет – *мультикультурализм*, основанный на философии постмодернизма, провозглашающего, помимо прочего, одинаковую ценность всех культур, их равенство, равноправие и плодотворное взаимодействие, ведущее ко взаимному обогащению. Кроме этого, объявляется, что:

– все культуры всех народов составляют единое целое в общем культурном наследии человечества;

– культурные особенности каждого отдельного народа не противоречат единству всеобщих человеческих ценностей;

– напротив, они составляют его культурное разнообразие, столь же необходимое для общественного выживания, как и биологическое, генетическое разнообразие, без которого вся живая природа якобы обречена на быстрое вымирание.

Множественность культур, их пресловутое «мульти» определяется на основе религиозной принадлежности, географического положения, половозрастных характеристик, социального статуса, направлений в искусстве и т.д. [5]. Соответственно, носителями этих самых разных культур называются самые разные общественные группы, обладающие фактически любыми отличиями, особенностями, реальными или воображаемыми ими самими или наблюдателями [6].

В развитие определения культуры, сформулированного на основе информационного подхода [3, 4], определим, что культура – это индивидуальный результат психического развития индивида в группе в процессе её коллективной деятельности по приспособлению к среде и жизни в ней, который представляет собой информационную систему. Она, эта система, производится индивидуальными сознаниями и разделяется всеми членами конкретного общества как совокупность образов, форм окружающего мира и связей между ними, и, прежде всего, общественных отношений между самими индивидами, определяющих соответствующую им систему ценностей.

То есть, с информационной точки зрения культура – это информационная система, описывающая, фиксирующая определённые общественные отношения, обеспечивающие, как минимум, самостоятельное воспроизводство конкретного общества при смене поколений. Огромное же множество «культур» с этой точки зрения являются субкультурами, если в них есть некоторые общественные отношения, отличные от отношений в культурах. Кроме того, они могут только называться другими культурами, а в действительности являться теми же самыми, но определяемыми как другие культуры по несущественному с точки зрения общественных отношений признаку (ниже это показано на примере платка). Отличие субкультур от культур заключается в том, что они:

– во-первых, не имеют собственной информации, достаточной для самостоятельного воспроизводства, и, следовательно, не могут существовать без основы, «несущей волны» собственно культуры;

– во-вторых, именно поэтому они и могут иметь, ограничиваться, выделять себя любым набором факторов или даже одним из них (например, субкультуры любителей здорового питания, однополых браков, нумизматов, болельщиков какого-либо клуба или вида спорта и проч.). Иначе, они могут быть и на самом деле являются абсолютно субъективными феноменами, в то время, как культура – явление объективное. Без определённого вида общественных связей общество и отдельные люди не выживают и не воспроизводятся при любом уровне природных ресурсов и материальных культурных достижений.

2. Метафизический подход вместо исторического

Среди существенных признаков, составляющих содержание понятия «культура», есть основной – ценности, совокупность некоторых из которых описывает определённый, конкретный уровень развития того или иного общества и человека. Как и в случае с культурой, сегодня сосуществует большое количество определений ценностей и длинные списки их самих. Однако это количество не должно мешать пониманию их основного, существенного качества – общественного. Причём, даже и в этом случае, чуть ли не любые ценности могут объявляться «вечными», а то и «генетически» присущими их «носителям», то есть людям. Рассуждения, использующие

такие определения ценностей, ещё больше укрепляют такой их метафизический характер, фактически возрождают веру в «истинные» ценности, от которых остаётся только шаг к очередному признанию ценностей, существующих вне времени и пространства, вечно и самих по себе. Между тем, ценности, а следовательно, и культуры, политические системы, национальные интересы, всегда ценности общественные. Они поэтому обладают объективным и, следовательно, историческим характером.

Эта историчность культуры и ценностей имеет два аспекта. Во-первых, историчность культуры вообще, общества в целом. Во-вторых, историчность личной культуры каждого отдельного человека, члена общества. В отличие от первой, которая полностью объективна, детерминирована всей совокупностью поступков всех членов общества, вторая должна и может быть избирательной:

– должна потому, что ресурсы психики и практики отдельного человека ограничены и в любом случае меньше, чем общества в целом. То есть каждому индивиду в любом случае удастся усвоить только некоторую часть культуры и ценностей (речь здесь обо всём их спектре, в то время как с ценностями общественными каждому человеку приходится всё-таки определяться, полностью становиться на ту или иную позицию и, соответственно, узнавать её целиком);

– может потому, что, во-первых, в детстве определяющее воздействие на него оказывают те, кто непосредственно информационно окружают его (родители, воспитатели) и только постепенно – другие взрослые, с которыми он начинает общаться прямо или косвенно (через предметы, носители информации и проч.). Во-вторых, потому, что по мере своего психического и особенно интеллектуального развития он получает всё больше возможностей индивидуального выбора ценностей, аспектов культуры, который хотя и продолжает ограничиваться соответствующими общественными доминантами (вплоть до полного разрыва с ними).

Таким образом, ценности являются продуктом общественных отношений, выражают господствующую в каждый момент истории того или иного общества, а также и в личной истории каждого отдельного человека, иерархию этих отношений. В самом общем виде их определение может быть сведено к проблеме кто такие я и не-я, Другой, и отношения к этому Другому и к себе в контексте существования этих я и не-я. То есть, кого вообще считать человеком и какие поэтому признавать за ним права и обязанности? [2]. В зависимости от того, как определяется «человек» вообще и «я», в частности, определяются и общественные отношения.

Однако, как правило, при характеристике культур перечисляются в первую очередь особенности языка, искусства, быта (кроме общественных отношений), в то время, как культуры принципиально отличаются такими общественными ценностями, как, в частности, отношение к детям, женщинам и иностранцам, то есть другим, кроме взрослых мужчин, разделяющих конкретную мораль, правила общественного поведения. Например, одна из наиболее остро обсуждаемых в современной Европе, включая Россию, – проблема так называемого «мусульманского» женского головного убора, особенно полностью скрывающего лицо. В то же время к столь же бытовым и поведенческим факторам выходцев из мусульманских стран, причём разных, как другим элементам одежды, еде или музыке таких острых претензий нет. Каждый европеец, в зависимости от своего личного вкуса и симпатий, ими пользуется или их игнорирует, как и одежду или еду любой другой – «немусульманской» – культуры.

Дело здесь в том, что сам по себе платок, в том числе полностью закрывающий лицо, а иногда и всё тело целиком, – это исторически созданный предмет одежды, имеющий конкретное назначение – защиту от холода и жары, пыли, насекомых и проч. Он используется сегодня, как и в течение прошлых тысячелетий, мужчинами, женщинами и детьми всех стран и народов. И только на опре-

делённом этапе развития общественных отношений он получил ещё оно – общественное, ценностное значение. И тогда, в частности, женщины, безотносительно практической необходимости, стали быть обязанными его носить. Поскольку теперь этот предмет одежды является также знаком определённых социальных норм, согласно которым женщина в рассматриваемом конкретном случае – подчинённый человек, собственность конкретного мужчины, который один имеет право видеть её без такого платка, а то и не человек вовсе, а только предмет для служения мужчине.

Мусульманская ли это культура, традиция, ценность? Сегодня в некоторых обществах и даже странах – да. Но всего сто лет назад женский платок в публичном месте был обязательным элементом культуры любой христианской конфессии (а в храмах остаётся и сегодня, причём опять-таки только для женщин). И это, в общем-то, незначительное обязательство (а, по существу – даже удобный и красивый предмет одежды), было и в Европе, и в Америке знаком соответствующей власти мужчин над женщинами, а также и над детьми, включая право их бить и в широких пределах распоряжаться их судьбой. То есть всякая культура исторична, ценностей одного и того же народа на протяжении различных эпох качественно различаются, что собственно, и определяет эти самые различия эпох.

В условиях же мультикультурализма каждой личности приходится делать самостоятельный выбор по их поводу не только в ходе взросления, но и затем, причём иногда неоднократно, а то и постоянно, на основе каких определённых общественных ценностей действовать в каждый конкретный момент. Межкультурная же коммуникация представляет собой взаимодействие людей по поводу этих общественных ценностей (их взаимодействие по поводу искусства, науки и прочих элементов культуры является межличностным взаимодействием, и не имеет общественного характера в смысле наличия или отсутствия каких-либо прав и обязательств).

С этой позиции можно определить, что за протест растёт в современных европейских обществах в отношении неинтегрирующихся в них мигрантов – это протест против ценностей этапа социального развития, уже пережитого в Европе. Кроме того, и многие ценности, подаваемые как новые и новейшие, в действительности это уже в прошлом отвергнутые способы поведения, жизнедеятельности, причём гораздо более радикально. Их носители были либо физически ликвидированы, либо вымерли в изгнании совершенно свободными, но не способными выжить, произвести и сохранить потомство, тем более воспроизвестись культурно, в своей свободе делать что угодно, включая асоциальные поступки или полное бездействие.

И требование, навязывание толерантности к такому социальному, а точнее – политическому мультикультурализму меньше всего похоже на свободный выбор свободных граждан, который ставится во главу угла в современных западных демократиях. Фактически это всё менее скрываемое подавление прав и свобод одних людей в пользу других, причём начиная с такого основного права, как свобода слова. И это касается представителей всех взаимодействующих культур: все они именно терпят, при этом, как показывают события, вплоть до преступлений, готовясь ко всё более решительным действиям. Таким образом, игнорирование социологического, культурологического, политического подхода к культуре и ценностям переводят их в класс ненаучных, метафизических понятий, существующих якобы сами по себе, а также создают новые проблемы в политике, вместо того чтобы способствовать решению уже имеющихся [7, 8].

Ещё одной широко распространённой ошибкой, сочетающей обе выше рассмотренные проблемы, является ничем не обоснованное отождествление каждого конкретного, ныне живущего человека и народа, к которому его относят или он относит себя сам, определение их как равнозначных, тождественных носителей соответствующей культуры, цен-

ностей. Конечно, у всех народов были и есть самые разные достижения в области искусства и науки, как, к сожалению, есть и трагические фигуры и поступки в истории. Но кто из сегодняшних их представителей знает и тем более использует эти достижения? А если знает, то в каком объёме? Ответ на этот вопрос всегда конкретен в отношении каждой конкретной личности [1]. Одному, даже энциклопедических познаний, человеку, каковые чрезвычайно редки, уже давно не по силам ознакомиться со всем, что создано представителями его собственного народа, не говоря уже о других. Ведь человек существенно не изменился не то что за последние сто, но и за десять тысяч лет, о которых можно уверенно вести речь.

Вторая часть этого примера точно также показывает, что ныне живущие как таковые не имеют никакого отношения к ценностям предшествующих поколений своего или других народов, равно как и к трагедиям и преступлениям прошлого, вину за которые периодически пытаются навязать то одному, то другому народу в ходе политической борьбы. Вопрос о принятии тех или иных ценностей всегда решается только индивидуально, хотя и всегда в определённой общественной среде. Зато любые ценности, как и ценности прошлых эпох, к которым апеллируют современники в своей политической борьбе, не могут быть просто объявлены, но требуют практического осуществления или такого же практического игнорирования.

Список литературы:

1. Глаголев В.С., Силантьева М.В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. №2. С. 131-140.
2. Литвак Н.В. Запад-Россия-Восток: ценности национальные, географические и исторические // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 250-252.
3. Литвак Н.В. Информационный подход к анализу современных социальных, межнациональных и межконфессиональных отношений // Право и управление. XXI век. 2012. №1. С. 69-71.
4. Литвак Н.В. Информационный подход к определению межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ сентябрь 2012 г.): научное издание / под ред. А.В. Шестопала, М.В. Силантьевой; отв. ред. А.В. Мальгин. М.: «Аспект Пресс», 2013. С.274-282.
5. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.
6. Силантьева М.В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №2. С. 173-179.
7. Силантьева М.В. Синкретизм в условиях политизации религии: региональный аспект // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. 23-25 октября 2012 года, Уфа. Секция 15. Социология религии: традиционное и новое в жизни общества. 2012. Т.6. №2. С. 4794-4800.
8. Glagolev V.S. A phenomenal and essential correlation in the religious consciousness investigations // Global Science and Innovation: materials of the I International Conference. Chicago: Publishing office Accent Graphics communications, 2013. P. 474-477.

Об авторе:

Литвак Николай Витальевич – к.соц.н., доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации». 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: jourfr@mail.ru.

HISTORICITY AND MODERNITY OF NATIONAL CULTURES

N.V. Litvak

Abstracts. *The issue of national models of life and national interests is necessarily reduced to the question of culture and values. Today these concepts are the ones most applicable in scientific papers and journalistic speeches, which quantity is constantly and rapidly increasing. However, in most cases the authors either consider the question of the culture and values absolutely clear, and therefore do not focus on their nature and properties, or, for clarity, still list the most various ones comma separated, defining them as equal and interchangeable. Meanwhile, a policy based on such theoretical constructs leads neither to a positive intercultural interaction, nor to the development and greater happiness of the individual. On the contrary, such a policy is occasionally reduced to calls for the "tolerance" failing to explain for how long to endure and, most importantly, for the sake of what. Finally, this policy is declared a failure under the pressure of the facts. This is because such an approach to the culture contains typical problems; being unsolved or even neglected they lead to unfounded conclusions. Among basic problems are logical errors, the metaphysical approach to the culture instead of the historical, mixing of the processes of globalization and localization, attempts to replace the science by the policy. As the severity of intercultural problems grows, it becomes more difficult to circumvent this situation in silence, to find more or less acceptable explanations to continue the policy of tolerance.*

Key words. *National models of the life system, national interests, culture, values, intercultural communication, tolerance.*

References:

1. Glagolev V.S., Silant'eva M.V. Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropeiskoi Rossii: faktory dinamiki traditsii i traditsii dinamiki [Religious-cultural space of the European Russia: factors affecting the dynamics of tradition and traditions of the dynamics]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politologiia. Religiovedenie – News of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies,* 2010, no.2, pp. 131-140 (In Russian).
2. Litvak N.V. Zapad – Rossiia – Vostok: tsennosti natsional'nye, geograficheskie i istoricheskie [The West – Russia – East: national values, geography and history]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – Bulletin of MGIMO-University,* 2014, no.2 (35), pp. 250-252 (In Russian).
3. Litvak N.V. Informatsionnyi podkhod k analizu sovremennykh sotsial'nykh, mezhnatsional'nykh i mezhkonfessional'nykh otnoshenii [Information approach to the analysis of contemporary social, interethnic and inter-confessional relations]. *Pravo i upravlenie. XXI vek – Law and management. Twenty-first century,* 2012, no.1, pp. 69-71 (In Russian).
4. Litvak N.V. Informatsionnyi podkhod k opredeleniiu mezhkul'turnoi kommunikatsii [Information approach to the definition of intercultural communication]. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia: sovremennaia teoriia i praktika (Materialy VII Konventa RAMI sentiabr' 2012 g.): nauchnoe izdanie.* Pod red. A.V. Shestopala, M.V. Silant'evoi; otv. red. A.V. Mal'gin [Intercultural communication: contemporary theory and practice (Materials of VIII RISA Convention September 2012): scientific publishing, ed. by A. V. Shestopal, M. V. Silantieva; resp. edited by A.V. Malgin]. Moscow: Aspekt Press, 2013. pp. 274-282 (In Russian).
5. Sadokhin A.P. *Vvedenie v teoriiu mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The Introduction in theory of intercultural communication.]. Moscow: Vysshaia shkola, 2005. 310 p. (In Russian).
6. Silant'eva M.V. Diffuznaia identichnost' – sovremennaia versiia grazhdanskoi identichnosti [Diffusive identity – a modern version of a civic identity]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – Bulletin of MGIMO-University,* 2012, no.2, pp. 173-179 (In Russian).
7. Silant'eva M.V. Sinkretizm v usloviiakh politizatsii religii: regional'nyi aspect [Syncretism in the context of politicization of religion: regional aspect]. *IV Ocherednoi Vserossiiskii sotsiologicheskii kongress. 23-*

25 oktiabria 2012 goda, Ufa. Sektsiia 15. Sotsiologiia religii: traditsionnoe i novoe v zhizni obshchestva [The fourth all-Russia sociological Congress. 23-25 October 2012, Ufa. Section 15. Sociology of religion: traditional and new in society], 2012, T.6, no.2, pp. 4794-4800 (In Russian).
8. Glagolev V.S. A phenomenal and essential correlation in the religious consciousness investigations. Global Science and Innovation: materials of the I International Conference. Chicago: Publishing office Accent Graphics communications, 2013. P. 474-477.

About the Author:

Nikolay V. Litvak – PhD, Associate Professor of Department of Philosophy, MGIMO University. Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA Russian Federation. Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: jourfr@mail.ru.